

КОРВИН

ОБЛАЧЕННЫЙ

Корвин
Облаченный

«Автор»

2026

Корвин

Облаченный / Корвин — «Автор», 2026

«Облаченный» Зейн Корвин помнит свою смерть. Нож, дождь, асфальт. А потом — новую жизнь в мире, где магия повсюду. Здесь его дар — Тьма. Он — Облаченный, тот, кто сам становится тенью. В Академии у него появляются друзья: Мира с воздухом и Дарион с молнией. Но при дворе его хотят использовать как оружие. А внутри живёт Тень — та, кто была в этом теле до него. Зейну предстоит сделать выбор: бороться с тем, кто внутри, — или договориться. И выяснить, чем на самом деле опасна сила, которую нельзя контролировать. Первая книга цикла о внутренней тьме, дружбе и цене выбора.

© Корвин, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1.	6
Глава 2.	8
Глава 3.	11
Глава 4.	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Корвин Облаченный

Пролог

На улице шёл дождь. Крупные капли били по лицу, смешиваясь с потом после долгой гулянки. Я возвращался домой после того, как мы закрыли уже второй график — пьянка затянулась, и градус в голове перевалил за ту отметку, где реальность начинает плыть.

Свернул в переулок — короче так до дома. Наткнулся на нескольких человек. Они стояли стенкой, дышали перегаром и мокрой тканью. «Доставай кошелек», — сказал один, сбивчиво и зло.

Поскольку я много выпил и вообще уже плохо соображал, до меня дошло не сразу. Я переспросил — что-то вроде «чего?». Мозг обрабатывал команду секунд пять, за которые они успели переглянуться.

Тот, что был без бровей, решил не отвечать. Ударил меня в челюсть — не снизу, а сбоку, по кости. Голова дёрнулась, но от удара я не упал: мышцы были слишком расслаблены, чтобы вырубиться. Просто шатнулся назад и отошёл на шаг.

Решив, что надо обороняться, я сделал движение вперёд — и тут же пропустил удар в печень. Второй пришёлся в солнечное сплетение, когда я уже начал складываться. От боли я согнулся пополам, колени сами ударились в мокрый асфальт. Закрыл глаза — не от страха, а от спазма, который выжал из лёгких весь воздух.

Я не видел, как подошёл третий. Только ощутил: холодное лезвие ножа прошло через кожу и мышцы — прямо под рёбра с левого бока. Аккуратно, почти профессионально. Я почувствовал резкую и сильную боль. Внутри стало горячо.

Я упал на спину. Дождь теперь капал прямо в открытые глаза. Они обыскали меня — вывернули карманы, забрали деньги, телефон, даже зажигалку — и убежали, матерясь и смеясь.

Я лежал на мокром асфальте. С неба всё так же падали крупные капли. Я истекал кровью и не мог говорить — горло не слушалось. Боли почти не чувствовал. Всё немело: ноги, руки, грудь превращалась в тяжёлый ком, который не двигался. Только дождь стучал по лицу и смывал тепло.

В конце концов я закрыл глаза.

Глава 1.

Когда я открыл глаза, надо мной склонились двое. Мужчина и женщина. Они что-то говорили, но я не понимал ни слова. Язык был чужим, гортанным, с мягкими переливами.

Где я? — подумал я. И начал осматриваться.

В комнате горел камин. Дрова потрескивали, живой свет плясал на стенах. На полу — ковёр с замысловатым узором. Стены, пол, потолок — из светлого дерева. Большая кровать. Спальня. Всё чужое, но почему-то тёплое.

Я перевёл взгляд на людей. Женщина протянула мне руку. Я потянулся к ней — и увидел свои руки. Маленькие. Совсем детские.

Страх пришёл не постепенно — он ударил, как тот удар в подбородок в переулке. Я заплакал. А вместе со слезами пришло воспоминание: дождь, нож, мокрый асфальт, как я закрываю глаза.

Я умер. И переродился. Эти люди — мои родители.

Я плакал долго. А потом устал. И заснул под треск камина, всё ещё надеясь, что это сон.

Но когда проснулся снова — та же кровать, тот же свет, те же чужие руки — понял: не сон. И, наверное, впервые в жизни я сознательно решил не думать о прошлом. Просто не возвращаться туда. Иначе сойду с ума.

Смирись, — сказал я себе. — Ты здесь. Живой.

В комнату зашла женщина, которая, как мне казалось была моей матерью.

— Зейн, пора есть, — сказала она.

Зейн. Меня зовут Зейн.

Луиза. Так её звали. Невысокая, с длинными волосами цвета тёмного каштана. Миловидное лицо, большие голубые глаза, пышные губы. Она взяла меня на руки и покормила. Я ел жадно, как будто прошлая жизнь была голодной.

Потом меня одели, и мы пошли на улицу.

Мы миновали гостиную, кухню, потом длинный коридор с пахнущими смолой половицами. Дверь открылась — и меня ослепил солнечный свет. Когда глаза привыкли, я увидел деревню. Небольшую, аккуратную. Посередине — широкая река, блестящая, как нож, которым меня...

Я оборвал мысль.

Вокруг деревни стеной стояли ели. Будто защищали. Мой дом оказался на отшибе. Рядом с домом отец размахивал мечом. Движения были отточенные, злые, красивые.

Крис. Высокий, широкий, смуглый. Сквозь одежду проступали мышцы — видно, что тренируется каждый день. Глаза карие, волосы тёмные, лицо грубое. Кузнец, воин или просто человек, который умеет убивать. Я почему-то сразу это почувствовал.

В полтора года я пошёл. В три — уже говорил отдельные слова, хотя язык всё ещё давался тяжело. К пяти меня отпускали гулять одного. Я помогал матери по дому, отцу — во дворе. Таскал дрова, хотя они были мне по пояс. Учился не падать, учился не плакать по пустякам. Но в пять лет это удавалось плохо.

Однажды я бегал по дому, задел тарелку на краю стола. Она упала и разбилась. Острый осколок чиркнул по ноге — царапина, пустяк, но я заревел. То ли от испуга, то ли от того, что этот маленький порез вдруг напомнил тот, другой, глубокий холод — неважно.

На шум вышла мать. Увидела меня в слезах, увидела кровь. Осторожно села рядом, протянула руку к ране и тихо произнесла несколько слов.

Её ладонь засветилась. И царапина исчезла. Кожа стала гладкой, будто ничего и не было.

Я перестал плакать. И впервые за пять лет новой жизни понял:

В этом мире есть магия.

Глава 2.

После того дня я часто трогал место на ноге, где была царапина. Кожа осталась гладкой — будто ничего и не случилось. Но я помнил свет. И слова матери.

-Мам, а ты можешь меня научить? — спросил я однажды за завтраком.

Луиза отложила ложку. Посмотрела на меня спокойно, без удивления.

— Не могу, Зейн. Дар не передаётся через учение. Он или есть, или его нет.

— А у папы есть?

— Есть. Огонь.

— А ты можешь что-то кроме лечения? — спросил я.

— Нет, — она улыбнулась. — Только это.

— А у меня?

Мать улыбнулась, но не ответила. Я посмотрел на отца. Крис поднял голову от тарелки, глянул на камин. Тот вспыхнул ярче — без щепок, без огнива. Просто так.

— Узнаешь, — сказал он. — Рано говорить.

— А когда?

— Годам к восьми. Не торопи дар.

Я замолчал. Восемь лет — это была вечность. Мне сейчас едва исполнилось шесть.

В деревне магия была повсюду, но не как чудо — как инструмент. Как топор или гребень.

Сосед дядя Эрвин строил новый сарай. Его даром была Земля. Он не поднимал брёвна — они ему и не нужны были. Эрвин касался ладонью земли, и из неё вырастали глиняные столбы — ровные, крепкие, будто лепленные невидимой рукой. Между столбами он укладывал доски, которые сам же вырубил, и те сидели так плотно, что ветер не продувал.

Тётя Джульетта, которая жила через два дома, сушила бельё за минуту — Воздух собирал влагу в капли и уносил прочь. Она даже не смотрела на верёвку, просто вздыхала, и ветер начинал кружить вокруг её двора.

А старая Грета держала пекарню. Её даром была Вода, что казалось странным — какой смысл пекарю в воде? Но тесто у неё получалось такое, что люди приходили из соседних деревень. Она говорила: «Вода чувствует тепло, а я чувствую воду». Я не понимал, но булки её ел с удовольствием.

Отец свой дар показывал редко. Только когда растапливал печь — не спичками, а шелчком пальцев. Огонь вспыхивал сам, коротко и послушно. Или когда вечером в камине дрова догорали, а он сидел и смотрел на угли — и те начинали тлеть ярче, будто он их подбадривал.

Мать говорила, что его дар — сильный. Один из сильнейших в деревне. Но Крис не любил лишний раз его показывать. Не потому что стеснялся или боялся. Просто считал, что магия — не игрушка.

— Огонь не прощает глупостей, — услышал я однажды, когда он учил меня колоть дрова. — Сначала научись уважать, потом пользуйся.

Я кивнул. Топор был мне почти по пояс.

Однажды я спросил у матери:

— А бывают люди без дара?

— Бывают, — ответила она, не отрываясь от шитья. — Редко, но бывают.

— И как они живут?

— Так же, как все. Только без магии. Топором рубят, вёдра носят, хлеб пекут. Дар — это не главное.

Я задумался. Мне тогда показалось, что она говорит не совсем то, что думает. Или говорит правду, но не всю.

— А если у меня не будет дара? — спросил я.

Луиза отложила иголку, подошла и села рядом. Обняла.

— Будешь моим сыном. Это важнее.

Я поверил ей. Но всё равно начал считать дни до восьми лет.

С тех пор я многое помогал по дому. Таскал дрова, хотя они были мне по пояс. Полол грядки. Учил язык — тот, на котором говорили родители. Он давался тяжело, но с каждым месяцем всё лучше.

Крис иногда брал меня с собой в лес. Не за грибами — проверять силки. Дорога была длинной, отец молчал почти всё время. Но иногда, когда мы останавливались, он говорил коротко, как рубил:

— Смотри.

И показывал. Как определить след зайца от следа лисы. Как ветка сломана ветром, а как — медведем. Как разжечь огонь без магии, если вдруг дар подведёт.

— У Огня есть характер, — сказал он однажды. — Если думаешь, что ты его хозяин — ты уже сгорел. Огонь не служит. Он соглашается.

Я запомнил эти слова. Хотя тогда не знал, пригодятся ли они мне. Вдруг у меня дар Воды? Или Тьмы? Или вообще никакого.

Летом, когда мне исполнилось шесть, в деревню пришли трое чужаков. В дорожной одежде из грубой тёмной ткани, с нашивками, которых я раньше не видел. У одного за поясом висела фляга, у второго — короткий меч. Третий шёл без оружия, но впереди.

Я сидел у реки и наблюдал, как они переходят мост.

Мать вышла на крыльцо. Посмотрела, скрестив руки.

— Вам чего? — спросила она. Спокойно, но без улыбки.

Тот, что без оружия, поклонился.

— Из столицы. Едем на юг. Можно попросить ночлег до утра?

Отец вышел из-за угла. В руке был топор — он его не поднимал, но и не опускал. Просто стоял.

— У нас не гостиница, — сказал Крис.
— Мы заплатим, — ответил чужой и достал маленький мешочек.
Отец посмотрел на мать. Та чуть заметно кивнула.
— Спать в сарае. В дом не заходить. Дрова сами нарубите — вон поленица.
Чужаки согласились. Слишком быстро.

Ночью я проснулся от того, что в сарае горел свет. Не свечной — ровный, чуть голубоватый. Я прокрался к щели и заглянул.

Они сидели на полу в круге. Перед ними лежала карта. Не бумажная — из тонкой кожи. И линии на ней двигались.

Я смотрел и не дышал.

— Завтра последний переход, — сказал один. — К вечеру будем.

— Там всё ещё держится, — ответил второй. — Даром не пробить.

— У нас есть кое-что.

Третий молчал и смотрел на карту. Потом поднял голову и посмотрел прямо на щель. На меня.

Я отпрянул от стены. Сердце колотилось, как бешеное.

Утром чужаки ушли. Мешочек остался лежать на пороге сарая. Мать не стала его открывать, просто убрала в сундук.

— Что они искали? — спросил я.

Отец посмотрел на меня долгим взглядом.

— С чего ты взял, что искали?

— Я не спал. Видел карту. Она двигалась.

Крис и Луиза переглянулись.

— Не лезь в чужие дела, — сказал отец. — Вырастешь — поймёшь.

Мать ничего не сказала. Но я заметил, как она крепче сжала край стола.

А сам я вдруг почувствовал: время до восьми лет тянется слишком медленно. И этот мир — не такой уж простой, как казалось сначала.

Глава 3.

После той ночи с чужаками прошёл почти год. Я часто вспоминал их карту — как двигались линии, как горел тот голубоватый свет. Спрашивать у родителей больше не пытался. Отец сказал «вырастешь — поймёшь», значит, сейчас бесполезно.

Мне исполнилось семь. Дар так и не проснулся.

В деревне никто не смеялся надо мной и не спрашивал, почему я до сих пор не умею светить руками. Люди относились к дару как к тому, что придёт само, когда нужно. Но я всё равно ждал. Вглядывался в свои ладони по вечерам, надеясь увидеть хоть искру. Ничего.

Мать заметила.

— Перестань, — сказала она однажды, войдя в комнату без стука. — Я же вижу. Не надо себя мучить.

— А вдруг у меня нет дара? — спросил я.

Луиза села на край кровати.

— Тогда будешь жить без магии. Это не приговор.

— А отец расстроится?

Она улыбнулась. Грустно, как-то по-своему.

— Крис? Нет. Он больше расстроится, если ты вырастешь глупым или трусливым. Дар для него — не главное.

Я хотел спросить, что для него главное, но не успел. Внизу хлопнула дверь. Голос отца — непривычно громкий, почти весёлый — позвал нас к ужину.

Лето в тот год выдалось жарким. Воздух стоял плотный, липкий, даже в тени под елями не спасался. Река немела, вода стала тёплой, как парное молоко. Я проводил у неё почти всё время — бродил по колёно, смотрел на мелких рыбок, которые тыкались в мои ноги.

Однажды я сидел на берегу, бросал камешки в воду и считал круги. Третий, пятый, седьмой — на десятом я услышал шаги за спиной.

Обернулся.

На мостках стояла девочка. Примерно моего роста, худая, с рыжими волосами, собранными в колючий пучок. Одежда на ней была странная — не как у нас в деревне: тёмная куртка даже в такую жару, высокие сапоги.

— Ты кто? — спросил я.

Она наклонила голову, как птица.

— Мира. А ты Зейн, я знаю.

— Откуда?

— Мы недавно приехали к вашей старой Грете. Она моя бабка. Мать сказала, что у неё останемся, пока отец не вернётся.

Я не знал, что у Греты есть родственники. Она всегда жила одна — по крайней мере, сколько я себя помнил.

Мира прыгнула с мостков прямо в воду, поднимая фонтаны брызг.

— А ты чего сидишь?

— Камни кидаю.

— Скучотища.

Она плюхнулась рядом. Я хотел возмутиться, но передумал.

Мы молчали. Рыбки уплыли.

— У тебя дар проснулся? — спросила она.

— Нет.

— А у меня есть. Воздух.

Она протянула ладонь. Я почувствовал тёплый ветерок, пахло рекой и далёкой грозой.

— Это всё? — спросил я.

— Пока, — Мира опустила руку. — Мать говорит, вырастет.

— А мой отец может огонь из пальцев.

— Огонь — это просто. Молния — редкость. А Тьмы я вообще ни разу не видела. Только в сказках. Там её боятся.

— А ты?

Мира пожала плечами.

— Я пока не решила.

Она вскочила и побежала по воде, поднимая брызги.

— Приходи завтра! Всё равно больше тут делать нечего!

И скрылась за поворотом тропы.

Через неделю я узнал про Миру почти всё. Ей было семь, как и мне. Она родилась в столице, но отец её был солдатом — или стражником, или кем-то, кто вечно в разъездах. Мать работала при какой-то гильдии, но про гильдию Мира говорила неохотно, только морщила нос.

Она любила бегать, спорить и никогда не извинялась, даже когда была не права. Дар свой показывала часто — то ветром сдует мух с лица, то поднимет юбку ровно так, чтобы стало смешно. Грета ругалась, но беззлобно. Говорила, что Мира пошла в отца — бешеная, неугомонная.

Мы стали встречаться почти каждый день. Бегали на реку, лазали по елям, однажды даже забрались на крышу пекарни Греты, за что получили по шее — мне от матери, Мире от бабки.

Иногда я ловил себя на мысли, что в прошлой жизни у меня не было таких друзей. Или были, но я их не помнил. Та жизнь уходила — не полностью, но как-то с каждым днём всё дальше, будто дождь смывал её с лица.

В один из дней мы сидели на берегу, болтая ногами в теплой воде. Мира рассказывала про дары.

- Моя мать говорит, что даров много, — принялась перечислять Мира, загибая пальцы. — Огонь и вода, земля и воздух — это главные. Ещё свет и тьма. Но они не так часто встречаются.

Огонь красивый, согревает, много кузнецов с таким даром, но также может и сжечь целые деревни, если носитель плохо его контролирует. Вода, используется прачками и пекарями в

готовке, но также может оказаться сильным оружием в руках умелого мастера. Земля, используется в земледелии и строительстве, воины могут покрывать себя броней. Воздух не видно, но он везде. Гонцы и моряки без него – никуда. А если воин возьмётся – может и дыхание перехватить, и ураган поднять. – горделиво сказала последнее и продолжила –

Свет, единственный кто лечит и даёт поддержку. Но он может навредить человеку.

Тьма прячет и укрывает. Ночные сторожа, беглецы, воры – все они ценят тьму. Но тьма не прощает слабости.

Она откинулась назад, опираясь на руки и добавила:

Так что, когда твой проснется – хоть огонь, хоть вода, хоть что угодно, - ты не бойся. Главное оставайся собой.

В конце лета случилось то, о чём я потом долго вспоминал.

Мы с Мирой сидели на крыше сарая — нашем любимом месте, откуда была видна вся деревня и река за ней. Солнце садилось, небо полыхало оранжевым. Мира, как обычно, болтала без умолку — про каких-то подруг в столице, про собаку, которую ей не разрешают завести.

Я слушал вполуха. Смотрел вниз, во двор.

Отец стоял у поленницы. Колот дрова, не используя дар, — просто топором, тяжело и мерно. Я видел, как напрягаются его плечи, как пот стекает по спине.

— ...а он сказал, что если я не научусь — он меня в военную школу отдаст, представляешь? — Мира ткнула меня локтем. — Эй, ты слушаешь?

— Ага, — соврал я.

И тут отец остановился. Поднял голову. Посмотрел прямо на крышу — на нас.

— Зейн, — сказал он негромко, но я услышал. — Слезай. Поможешь.

Я сполз по приставной лестнице. Подошёл к нему. Он протянул мне маленькое полено — лёгкое, сухое.

— Попробуй расколоть.

— У меня не получится, — сказал я. Топор был слишком большим.

— Не получится — попробуешь ещё раз. Земля не сразу родит хлеб.

Я взял полено, поставил на чурбан. Размахнулся. Топор пошёл криво, даже края не задел.

— Ещё, — сказал отец.

Я попробовал снова. И снова. На пятый раз я ударил почти ровно, и полено треснуло. Не расколосось — просто треснуло посередине.

— Хорошо, — сказал Крис. — Завтра продолжим.

Я отдышался, вытер лоб. В этот момент Мира окликнула меня снизу:

— А я говорила! Дар у тебя точно есть. Просто спит.

— Какой? — спросил я.

— А вот увидишь.

Она улыбнулась и убежала.

Я остался стоять во дворе с топором в руке, смотрел на треснувшее полено и чувствовал, как внутри что-то шевелится. Не боль. Не страх.

Тихое, почти незаметное ожидание.

Глава 4.

Мне снился кошмар. Я снова оказался в том переулке. Всё так же лил дождь — тяжёлый и тёплый, как чужая кровь. Я иду по нему и не вижу конца, будто с каждым шагом он только удлиняется. Шаги давались тяжело, ноги были непослушными и ватными.

Меня что-то схватило за руку. Сжало так крепко, что вырваться невозможно. Я обернулся и увидел того парня, что пырнул меня ножом — точнее, его тень. Он скорчил отвратительную гримасу, отдалённо напоминавшую улыбку, и смотрел прямо на меня. В руке — всё тот же нож.

Пытаюсь вырваться. Наблюдаю, как он делает взмах.

Меня окутал безумный страх. Всё тело замерло. Я пытаюсь увернуться, но тело не слушается, ноги дрожат. Хочу закричать — и тут же чувствую холодное лезвие в своём теле.

Я проснулся.

Открыв глаза, увидел свою комнату. Из глаз текли слёзы — тёмные и густые, как дёготь. Было холодно. Тело пробирало до дрожи, меня всего трясло от пережитого.

Я посмотрел на свои руки. Они были чёрными.

Не грязными. Чёрными — от запястий до кончиков пальцев, как будто кто-то окунул их в расплавленную тьму и дал застыть. Кожа на ладонях блестела, гладкая и неестественно холодная. Я провёл пальцем по другой руке — ничего не почувствовал. Чёрный слой был мёртвым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.